

УДК 159.923

ББК 88.37

П 31

С.Н. Петросьян

Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и социальных коммуникаций Сочинского государственного университета; E-mail: svpet@mail.ru

З.И. Рябикина

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета; E-mail: ryabikina@manag.kubsu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЖИЗНЕННОГО СЦЕНАРИЯ ЛИЧНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена анализу подходов к проблеме жизненного сценария личности как социально-психологического феномена. Задачами статьи является рассмотрение жизненного сценария личности как психологической проблемы, анализ исследований жизненного сценария личности в отечественной и зарубежной литературе, рассмотрение перспектив исследования жизненного сценария личности в русле субъектно-бытийного подхода. Сделан вывод о том, что рассмотрение в качестве предметной области психологии категориальной целостности «личность и её бытие» создает возможность принципиально нового подхода к изучению проблемы формирования и реализации жизненного сценария личности как глобального пространства ее бытийности.

Ключевые слова: личность, жизненный сценарий, внутриличностное диспозиционное образование, личностная бытийность.

S.N. Petrosyan

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General Psychology and Social Communications, Sochi State University; E-mail: svpet@mail.ru

Z.I. Ryabikina

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of the Personality and General Psychology, the Kuban State University; E-mail: ryabikina@manag.kubsu.ru

CURRENT APPROACHES TO THE PROBLEM OF PERSONALITY LIFE SCRIPT AS SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

Abstract. The paper is devoted to the analysis of approaches to the problem of personality life script as a social and psychological phenomenon. The tasks of this article are as follows: to examine the life script as a psychological problem, to analyze the personality life script studies present in the Russian and international literature, to consider the perspectives of personality life script study in line with the subject existentialistic approach. The conclusion is drawn that consideration of the categorical integrity “personality and its existence” as a subject field of

psychology creates a possibility of a principally new approach to studying the problem of formation and materialization of individual's life script as a global field of its existentiality.

Keywords: personality, life script, intrapersonal dispositional formation, personal existentiality.

Проблема жизненного сценария привлекала внимание ученых практически с самого начала возникновения психологии как самостоятельной области научного знания. Исследования жизненного сценария, его структурных компонентов, сценарного поведения были освещены в трудах З. Фрейда, А. Адлера, К.Г Юнга, Э. Берна, С. Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой-Славской, В.Н. Дружинина, Н. В. Гришиной, Рябикиной З. И. и др.

Общим значением понятия «жизненный сценарий» является некая заданность, упорядоченность хода действий и событий (субъективно значимых ситуаций) относительно прошлого, настоящего и будущего [4].

Если попытаться предельно лаконично сформулировать проблему, вызывающую неустанный исследовательский интерес отечественных и западных ученых к проблеме жизненного сценария, то она сводится к вопросу о том, насколько человек является свободным в отношении своей судьбы.

Некая заданная предопределенность человеческой жизни была замечена людьми очень давно и нашла свое отражение в определениях, не вошедших в научный дискурс психологии: судьба, рок, фатум, т.д.

Согласно этимологическому словарю, «судьба» – образовано от глагола судить (как косьба от косить, женитьба от женить и т. п.). Первоначально употреблялось в значении «приговор», потом появилось значение «Божий суд», потом «предопределение, участь» [10].

Судьба [3] в мифологии, в иррационалистических философских системах, в обыденном сознании – неразумная и непостижимая

предопределенность событий и поступков. В античности выступала как слепая, безличная справедливость (древнегреческая Мойра), как удача и случайность (древнегреческая Тюхе), как всеохватывающая непреложная предопределенность (фатум). Вера в судьбу часто связывалась с астрологией. Христианство противопоставило идее судьбы веру в божественное провидение. В кон. 19 в. понятие судьбы получило распространение в философии жизни. В обыденной речи часто означает: участь, доля, жизненный путь, стечение обстоятельств.

В философско-обобщенном смысле понятие судьбы выражает, прежде всего, *несвободу*, бессилие человека перед лицом ограничений его природы, физического естества, силы онтологических обстоятельств [5].

Характерно, что всегда отношение к тому, что люди называли судьбой, было двояким: например, если представители стоицизма были убеждены, что человек не властен изменить судьбу, все, что может человек, – относиться к судьбе со спокойствием, одинаково воспринимать как радости, так и горести [11: 15], то Платон философски заметил, что «в своих бедствиях люди склонны винить судьбу, богов и все что угодно, но только не самих себя» [14: 415].

Такие две диаметрально противоположные точки зрения нашли свое отражение в двух основных подходах к проблеме жизненного сценария.

Если в отечественной психологии жизненный сценарий рассматривается как социально-психологический феномен, связанный со способностью планирования, конструирования и структурирования жизни (М.В. Розин, И.С. Кон, С.Л. Рубинштейн, В.И. Слободчиков,

К.А. Абульханова-Славская, И.А. Мизинова, З.И. Рябикина и др.), то для представителей зарубежной школы психологии традиционным является положение о бессознательном характере формирования и реализации человеком своего жизненного сценария (А. Адлер, Э. Берн, С. Гроф, А.А. Schutzenberger и др.), т.е. отечественная школа психологии первостепенное значение придает осознанности, а следовательно, возможности выбора человеком своего жизненного пути. Представители западной науки в большей степени склонны считать, что формирование и реализация жизненного сценария происходят неосознанно, а, следовательно, человек не может в достаточной степени быть хозяином своей судьбы.

В общей тенденции западных подходов к изучению проблемы жизненного сценария можно выделить два направления: 1) проблема сценарного (повторяющегося) поведения; 2) проблема сценарной предопределенности жизни.

К изучению проблемы повторяемости поведения обращались разные исследователи: З. Фрейд (навязчивое повторяющееся поведение), К. Хорни (рассмотрение истоков навязчивой повторяемости во взаимодействии между ребенком и родителями), Ф. Перлз (понятие о неврозе и механизмах его функционирования), Д. Калшед (рассмотрение вопроса о навязчивой повторяемости травмирующих личность событий), транзактные аналитики (К. Штайнер, Т. Кахлер, Х. Каперс и др.), исследовавшие т. наз. минисценарий как определенную последовательность сценарных поведенческих проявлений, чувств и мыслей, которая проигрывается во временном диапазоне от нескольких секунд до нескольких лет; а также ряд психоаналитически ориентированных психологов, анализирующих вопросы переноса в психоаналитическом процессе (Р. Чессик, Дж. Сандлер) и т.д.

Одним из первых на феномен повторяющегося поведения обратил внимание З. Фрейд. Он заметил, что в процессе психоаналитической терапии приходится иметь дело с разнообразными проявлениями навязчивых повторений со стороны больных. Такое явление получило название «отыгрывание».

Впервые З. Фрейду пришлось иметь дело с феноменом отыгрывания при лечении молодой девушки в 1900 году (случай Доры). В работе «Фрагмент анализа истерии» (1905) он описал этот случай, заставивший его обратить серьезное внимание на отношения между переносом и такими явлениями, как отреагирование, отыгрывание. По его собственному признанию, он упустил первые признаки проявления переноса у пациентки, не успел проработать их, в результате чего вместо того, чтобы репродуцировать в ходе лечения существенную часть своих воспоминаний и фантазий, она так отреагировала на аналитическую ситуацию, что, посчитав себя обманутой со стороны врача, точно так же, как она была ранее обманута другим человеком, произвела отыгрывание и прекратила анализ [7].

В работе «Воспоминание, воспроизведение и переработка» (1914) З. Фрейд говорит о внутренней тенденции пациентов, в соответствии с которой, сколько бы ни длилось лечение, больные не освобождаются от навязчивого воспроизведения: они воспроизводят как свои симптомы, так и все то, что уже проникло из источников вытесненного в их общее поведение, патологические черты характера [там же].

В навязчивом воспроизведении отыгрывание тесно связано как с сопротивлением, так и с переносом пациентом на аналитика разнообразных (нежных или враждебных) чувств, которые в понимании З. Фрейда исходят не из настоящей ситуации и относятся не к личности врача, а «повторяют то, что с ним уже происходило в жизни».

Необходимо, с точки зрения З. Фрейда, быть готовым к тому, что «анализируемый находится во власти навязчивого воспроизведения, заменяющего импульс к воспоминанию не только в длительных отношениях к врачу, но и во всех других проявлениях деятельности и отношений своей жизни, например, выбирая во время лечения объект любви, беря на себя какую-нибудь задачу, вступая в какое-нибудь предприятие» [там же].

В дальнейшем представления З. Фрейда о навязчивом воспроизведении в аналитической ситуации были перенесены им на понимание психической деятельности здоровых людей. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) он не только поставил вопрос о том, в каком отношении навязчивое повторение (как проявление вытесненного) соотносится с принципом удовольствия, но и высказал мысль, согласно которой проявления навязчивого повторения, встречающиеся в психической жизни раннего детства и в случаях из психоаналитической практики, отличаются настолько непреодолимым, «демоническим» характером, что можно предположить наличие в живом организме «стремления к восстановлению какого-либо прежнего состояния» [там же].

В «Новом цикле лекций по введению в психоанализ» (1933) З. Фрейд высказал мысль, в соответствии с которой в навязчивом повторении выражается «консервативная природа инстинктов» и оно преобладает даже над принципом удовольствия. Так, во время аналитической работы забытые и вытесненные переживания раннего детства воспроизводятся в сновидениях и в реакциях перенесения, хотя их возрождение противоречит принципу удовольствия. Подобное имеет место и вне анализа: «Есть люди, которые в своей жизни без поправок повторяют всегда именно те реакции, которые им во вред

или которых, кажется, преследует неумолимая судьба, в то время как более точное исследование показывает, что они, сами того не зная, готовят себе эту судьбу» [там же].

Таким образом, З. Фрейд пришел к мысли о том, что природа повторяющихся действий инстинктивна: первые сильные эмоциональные реакции индивида закрепляются в форме рефлекса, который индивид склонен воспроизводить в дальнейшей жизни, воспроизводя как эмоциональные реакции, так и тип поведения, который им соответствует.

Второе направление (сценарной предопределенности жизни), представлено в исследованиях К.Г. Юнга и постюнгианском направлении (архетипическая психология), А. Адлера (жизненный стиль), в исследованиях Э. Берна и его последователей (Я. Стюарт, В. Джойнс, К. Штайн и др.), С. Грофа (трансперсональное направление: С. Гроф считает, что сценарий жизни повторяет сценарий рождения) и др. Жизненный сценарий, с этой точки зрения, это постепенно разворачивающийся жизненный план, который формируется в раннем детстве в основном под влиянием родителей. Этот психологический импульс неотвратимо толкает человека вперед, навстречу его судьбе и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора.

К.Г. Юнг в результате многолетних клинических наблюдений пришел к заключению, что в психике человека существенную роль играет не только индивидуальное, но и коллективное бессознательное, содержание которого представлено архетипами, унаследованными от предков. Архетипы (от греч. «архе» – «начало» и «типос» – «образ»), по Юнгу, это мощные психические первообразы, скрытые в глубинах бессознательного, врожденные универсальные идеи, изначальные модели восприятия, мышления, переживания. Это своего рода

первичные представления о мире и жизни, которые не зависят от уровня полученных знаний.

Дж. Хиллман, постюнгианский аналитик, в работе «Архетипическая психология» (Archetypal Psychology, Uniform Edition, Vol. 1 (Spring Publications, 2004), определяет архетип как принцип, организующий феномен образности, принцип, обеспечивающий психическую реальность специфическими паттернами и привычными свойствами – универсальностью, типичностью проявления, регулярностью, постоянной повторяемостью на протяжении многих веков. Те же самые качества присущи и инстинкту. Энергия архетипа инстинктивна, поскольку архетип по своей сути есть инстинкт; архетип есть «поведенческий паттерн» инстинкта, его значение или, как выразился Юнг, «его психический эквивалент» [6: 5].

Если психическая структура есть, по сути, процесс драматический, то вся жизненная история человека есть некое фабулическое повествование и личность не может быть понята более точным способом, как в повествовательной форме. С этой позиции личность является театром архетипических фигур, часть из которых располагается на переднем плане внизу и в центре, другие ожидают за кулисами, а само состязание демонстрирует героические, коммерческие, комические, трагические и фарсовые темы [там же: 7].

То есть постюнгианская психологическая традиция склонна считать, что сценарные проявления личности обусловлены архетипическими образами и, по сути, инстинктивны.

Хотя феномен повторяющегося типичного поведения исследовался достаточно интенсивно, термин «сценарий» вошел в терминологический аппарат психологии сравнительно поздно. Концепция сценария была разработана Э. Берном и его

коллегами, особенно К. Штайнером, в середине 60-х годов. И в настоящее время она является, наряду с моделью личности, основанной на состояниях Я (эго-состояниях), центральной идеей транзактного анализа [1].

В работе «Принципы группового лечения» Берн определил жизненный сценарий как «неосознаваемый план жизни». Позже, в книге «Что вы делаете после того, как сказали «привет», он дал более полное определение: «План жизни, который составляется в детстве, подкрепляется родителями, оправдывается последующими событиями и завершается так, как было предопределено с самого начала» [15].

Согласно Э. Берну, жизненный сценарий является некоей бессознательной структурой, программой поступательного развития, управляющей жизнью человека и определяющей его поведение в важных жизненных аспектах.

Транзактные аналитики большое внимание уделяли феномену повторяющегося поведения, которое в рамках транзактного подхода получило название «сценарное поведение». В работах Э. Берна и его последователей описаны два фактора, наличие которых повышает вероятность «включения» сценарного поведения: 1) ситуация «здесь и теперь» переживается как стрессовая; 2) имеется некоторое сходство между ситуацией «здесь и теперь» и стрессовой ситуацией в детстве, в которой сформировалась программа сценарного поведения.

Признаком сценарного поведения является определенная, зафиксированная последовательность мыслей, чувств и действий, которая воспроизводится каждый раз в неизменном виде, в одном и том же порядке. Может меняться контекст, обстоятельства и даже содержание ситуаций, но распознаваться и трактоваться личностью они будут всегда схожим образом, соответственно и вести себя человек будет

схожим способом. Каждый раз по завершении сценарного цикла (в терминологии Э. Берна) личность делает из состоявшегося события одни и те же выводы, подкрепляет одни и те же когнитивные и эмоциональные установки, способствуя тем самым закреплению модели сценарного поведения. Таким образом, можно говорить о некоторой устоявшейся модели поведения или схеме действий, которая воспроизводится в ряде аналогичных жизненных ситуаций.

С.П. Гурская, рассматривая феномен сценарного поведения личности, подчеркивает, что нередко произвольная повторяемость типичных жизненных ситуаций и проблем трактуется субъектом как неудовлетворительная, нежелательная, но неизбежная. Неизбежность повторяемости обусловлена тем, что субъект не осознает механизмы возникновения повторяющихся ситуаций, а также не находит способы сознательного контроля хода повторяющихся событий. Можно сказать, субъект не отдает себе отчет в том, по каким причинам с ним постоянно происходят одни и те же неудовлетворительные события, почему ему приходится сталкиваться с одними и теми же повторяющимися специфическими проблемами, предотвратить появление которых личность не в состоянии [13].

В целом, западная психологическая традиция придерживается положения о бессознательном характере формирования и реализации человеком своего жизненного сценария, что можно проследить и в других направлениях исследования проблемы жизненных сценариев личности и сценарного поведения. Например, А. Шутценбергер (семейная психотерапия), представительница трансгенерационного подхода, связывает понятие жизненного сценария с явлением бессознательного самопрограммирования личности [9]; в когнитивной психологии жизненный сценарий

связан с понятием «скрипт» – схемой действий автоматизированного характера, не зависящей от какого-либо выбора человека [8] и т.д.

С позиций экзистенциального подхода человек ежедневно выбирает и подтверждает свое существование, свое бытие. Но западные исследования жизненных сценариев и сценарного поведения показывают, что природа сценарного поведения инстинктивна: независимо от контекста, обстоятельств и даже содержания ситуаций распознаваться и трактоваться ситуация будет типичным для индивида образом. Каждый раз по завершении сценарного цикла личность делает из состоявшегося события одни и те же выводы, подкрепляет одни и те же когнитивные и эмоциональные установки, способствуя тем самым закреплению модели сценарного поведения (Э. Берна, Й. Стюарт, В. Джойнс, К. Штайнер, и др.).

Таким образом, мы имеем четыре положения, выдвинутых и доказанных западными исследователями:

1. Жизненный сценарий формируется в детстве.

2. Жизненный сценарий связан с проживанием стрессовой ситуации.

3. Жизненный сценарий связан с воспроизведением когда-то сформированного поведенческого паттерна (сценарное и повторяющееся поведение), по сути – способа реагирования на стрессовую ситуацию.

4. Жизненный сценарий может не совпадать с волевым намерением человека.

В отечественной психологии, методологическим основанием которой долгое время служил деятельностный подход, сложился противоположный ракурс исследования проблемы жизненного сценария личности (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, Ю.М. Резник, Н.А. Рыбников, К.А. Абульханова-Славская, А.А. Кроник, Е.И. Головаха, Н.В. Гришина, Т.С. Мороз, Н.В. Дружинин, А.В. Сохань и др.).

Субъектно-деятельностный подход (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.) подразумевает, что основным атрибутом субъекта является активность: субъект «обозначает», «определяет» себя своей активностью. Такие характеристики, как жизненные цели, стратегии жизни, смысловые ориентации и др., опосредуют взаимодействие человека с миром. Согласно субъектно-деятельностному подходу, *личность осознанно выбирает и регулирует процесс жизни*. По выражению С.Л. Рубинштейна, «человек сам определяет свое отношение к жизни, гармонично или дисгармонично связывая между собой трагедию, драму и комедию» [12].

В работах Ю.В. Синягина, О.Ю. Перевезиной, Ю.А. Яковлевой, А.В. Поляковой указывается на смысловое сходство жизненного сценария с понятиями, разработанными в отечественной психологии: «жизненный план», «жизненная стратегия», «жизненная цель», «жизненный стиль» и др. [2]. Данные понятия отражают российскую тенденцию, заданную трудами С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева и др. к рассмотрению детерминант жизненного сценария личности, связанного с возможностью самоопределения и сознательного выбора личностью жизненного пути. А.И. Мизинова считает, что эти понятия являются производными от жизненного сценария и связаны с его функцией планирования – конструирования (жизненный план, жизненная цель, жизненный смысл, жизненный девиз) и структурирования жизни (при помощи жизненной стратегии, жизненного стиля). В частности, по мнению Л.А. Губаревой, направленность жизненных целей обусловлена специфическим содержанием жизненных смыслов личности, которые формируют ее жизненный девиз. Именно жизненный девиз, в представлении автора, основанный на жизненных целях и смыслах, является базисом жизненного сценария.

Но и в западных подходах, начиная с А. Адлера и Г. Олпорта, существуют подобные воззрения. Так, Адлер, предвосхищая положения гуманистической психологии, говорил, что в постоянном стремлении к совершенству люди способны планировать свои действия и определять собственную судьбу. Именно выбор жизненной цели задает вектор движения и отражает отношение человека к собственной жизни.

Г. Олпорт рассматривал личностный рост как активный процесс «становления», в котором индивидуум берет на себя определенную ответственность за планирование хода своей жизни. В своем труде «Основные особенности психологии личности» (*Becoming: Basic considerations for a psychology of personality*, 1955) Олпорт писал: «Некоторые теории развития основаны, главным образом, на поведении психически нездоровых и тревожных людей или же на выходках доведенных до крайности лабораторных крыс. Очень немногие теории сформировались на основе изучения здоровых человеческих существ, таких, которые не столько стараются сохранить свою жизнь, сколько стремятся сделать ее осмысленной».

Ни Адлер, ни Олпорт, подчеркивая способность человека к свободному жизнетворчеству, не изучали проблему негативного жизненного сценария личности. Скорее всего, в силу того, что жизненный сценарий, с их точки зрения, не является проблемой здоровой личности со здоровым и свободным целеполаганием.

В числе последних направлений исследования жизненных сценариев личности можно назвать тему культурных сценариев. Так, предметом исследований Н.В. Гришиной является проблематика жизненных сценариев, жизненных моделей и жизненных выборов, где жизненные сценарии определяются как культурно разделяемые представления

относительно порядка и времени жизненных событий в прототипическом жизненном цикле. Несмотря на явно нарастающий интерес к данной теме как в зарубежной, так и отечественной психологической науке, отмечает Н.В. Гришина, число посвященных ей исследований по-прежнему ограничено: на XXIX Международном психологическом конгрессе (Берлин, 2008) этой тематике фактически был посвящен всего один симпозиум <...>. Общим результатом ряда доложенных исследований стало признание типичного характера жизненного сценария: независимо от культуры, пола и возраста жизненные сценарии людей включают одни и те же события.

И тогда мы имеем противоречие: с одной стороны, человек – творец собственной жизни, и представители психологической науки, которые придерживаются такой точки зрения, практически с отвращением говорят о предопределенности и неотвратимости разворачивания жизненного сценария.

С другой стороны, мы имеем доказательства обратного. В многочисленных исследованиях, посвященных проблеме жизненных сценариев личности, неоднократно подчеркивалось, что жизненный сценарий личности не всегда обусловлен сознательным выбором человека (Ф. Перлз, А.А. Шутценбергер, С. Гроф и др.) и наиболее полно и четко рисунок жизненного сценария личности проявляет себя в условиях переживания кризиса либо нахождения в нестандартных ситуациях.

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем две противоречивые точки зрения на феномен жизненного сценария личности. Отечественные психологи в большей степени признают за личностью право и возможность выбора своего жизненного пути, присваивая человеку статус творца своего жизненного сценария. Для представителей

зарубежной психологии более традиционным является представление о жизненном сценарии как следствии тех впечатлений и установок, которые были получены в детстве и оформились в неосознанную рефлексорную модель поведения.

Безусловно, ценные результаты, полученные с обеих сторон, тем не менее не позволяют в достаточной мере системно рассмотреть детерминанты жизненного сценария личности и построить четкий прогноз относительно возможных тенденций развития и способа реализации человеком своего жизненного сценария.

В последние десятилетия в отечественной психологической науке происходят кардинальные изменения. Эти изменения связаны не только с переосмыслением основных задач и методологии психологии, но и с переосмыслением самого предмета психологии. Главным образом это связано со смещением исследовательской парадигмы от объектной, где определяющей линией считалась заданность психики условиями и характеристиками социальной среды, к субъектной, признающей в человеке активное преобразовательное индивидуальное начало.

Проблема субъекта в отечественной психологии разрабатывалась в русле различных научных подходов (субъектно-деятельностного, системно-субъектного, субъектно-средового, субъектно-бытийного и др.), и на сегодняшний день психология субъекта обрела статус методологической основы исследования проблем психологии человеческого бытия (К.А. Абульханова-Славская, Л.Н. Анциферова, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, А.Н. Славская и др.).

Субъектно-бытийный подход к проблеме личности, разрабатываемый учеными Кубанского государственного университета (З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко, Л.Н. Ожигова, А.Р. Тиводар и др.), позволяет рассмотреть

проблему жизненного сценария личности с принципиально новой точки зрения.

Новизна субъектно-бытийного подхода (З.И. Рябикина) заключается в том, что основным механизмом, детерминирующим развитие психики, выдвигается не противоречие «индивид – среда» или «личность – среда», предполагающая некое третье опосредующее звено, например, личность – (деятельность) – среда или личность – (система когний) – среда (характерное для российских и западных исследований личности предыдущего этапа), а взаимообусловленная дуальность «личность и ее бытие».

Если рассматривать динамику возрастного развития с точки зрения расширения бытийности личности по мере прохождения стадий развития, в таком развитии личность осваивает позиции в отношениях Я – Мир (досознательный уровень, базовое доверие – недоверие к Миру), Я – Ты (предсознательный уровень, доверие – недоверие к Другому), Я – Они (сознательный уровень, доверие – недоверие к социуму). По мере прохождения стадий развития личностью осваиваются различные позиции в отношениях – доминантная, пассивная, либо здоровая, адекватная теме возраста. Такие позиции встраиваются в структуру личности и впоследствии начинают существовать и функционировать на правах значимых частей личности.

О формировании устойчивых поведенческих моделей в результате прохождения возрастных стадий развития говорили Э. Эриксон и Л. Марчер. Марчер считала, что структура характера, сформировавшаяся в определенный период развития, закрепляется как устойчивый характерологический признак и служит основой поведения во взрослой жизни.

Мы также допускаем, что проживание кризисного состояния развития способствует появлению

устойчивой *позиции* в отношениях, которая формирует эмоционально-поведенческую модель и которая во взрослой жизни может начать реализоваться рефлексивно и служит основой развития сценарного поведения.

В кризисных периодах развития ребенок сталкивается с проблемой осваивания новой системы отношений и определения своего места или своей позиции в этих отношениях. Часто кризисы развития сопровождаются борьбой ребенка за право получения нового социального статуса. При кризисе 1-го года, например, это право на первичную сепарацию от матери. Д.Б. Эльконин пишет: «... В процессе развития у ребенка появляется нечто, взрывающее под влиянием общения изнутри самое общение. Ребенок становится на ноги. В результате расширяется его пространство, он может передвигаться в нем, сам подползти и взять какой-либо предмет. Потребность в непосредственно-эмоциональном общении со взрослыми должна уменьшаться. Рождается жест, который означает: «Дай!», затем он начинает сопровождаться словом, потом остается только слово. Наконец, возникает ходьба. Ситуация слитности ребенка и взрослого разрывается изнутри. Появляются двое. В этом заключается суть кризиса первого года...».

В психологической практике часто встречаются случаи незавершенной первичной сепарации, как правило, с матерью. Например, Елена (47 лет) жалуется на дочь (27 лет), которую «невозможно оставить без присмотра, потому что она вечно во что-то вляпывается». Личные отношения дочери жестко контролируются, «ухажеры» буквально прогоняются, так как оказываются совершенно, по мнению матери, «неподходящими». В результате мать и дочь живут вместе в постоянной войне. Дочь не имеет опыта жизни вне материнского приглядывания. Мать, по ее словам,

хочет для дочери счастливой судьбы, но «не может ее не контролировать, так как дочь ко взрослой жизни не готова – даже убрать за собой не может». У дочери регулярно появляются «беспричинные истерики» (гипобулические реакции). Если дочь все же решает что-то сделать не так, как хочет мать, мать заболевает, и все возвращается на круги своя.

В этом случае отношения матери и дочери остались на уровне нерешенного кризиса одного года. Приведенные реплики матери относительно дочери в большей степени соответствуют годовалому возрасту, чем реальному возрасту дочери. Дочь занимает «выученную» инфантильную позицию. В отношениях с мужчинами капризничает и требует опеки. Одновременно пытаясь жестко контролировать их поведение. Ее отношения с мужчинами уже дважды заканчивались разрывом отношений по инициативе мужчин.

Предполагаемые линии развития сценария этой девушки – жизнь с мамой или неудачный брак, где девушка будет придерживаться позиции беспомощного ребенка, что чаще всего приводит к распаду брачных отношений либо к искаженному семейному функционированию.

Как мы уже говорили, кризисы развития часто сопровождаются борьбой ребенка за право получения нового социального статуса. Движущей силой развития кризисной ситуации в этом случае является не только внешнее противоречие «индивид – среда» и не только внутренняя потребность ребенка занять новое положение в системе личных или общественных отношений, но и внутриличностное противоречие, которое мы назвали «внутриличностным диспозиционным образованием».

Мы предположили, что в ситуации внешней угрозы (в приведенном примере – это угроза контроля) во внутреннем пространстве

психики образуется как минимум две полярно окрашенных позиции по типу агрессор – жертва. Одна позиция присваивается, воспринимается как «своя», другая проецируется на внешний мир. Диспозиция «работает» одновременно как реакция на угрозу и как способ распознавания угрозы. Полюса диспозиции, по сути, оппозиции, полярно эмоционально окрашены, имеют полярные цели, мотивации, когниции, установки и т.п. Основной эмоциональной характеристикой активного полюса является агрессия, пассивного полюса – страх. Мы предполагаем, что человек проживает сразу обе позиции, одну в форме идентификации, другую – в форме проекции. Характерным качеством диспозиции является ее диалектическая природа.

В приведенном примере внутриличностным диспозиционным образованием является образование «контроль – (саботирующая) подконтрольность». Причем дочь в отношениях с мужчинами может занимать либо условно подконтрольную (контроль из инфантильной части) позицию, и тогда появляются реакции протеста как на отсутствие контроля и опеки, так и на присутствие оных, либо уходить в противоположную позицию жесткого контроля. В этом случае следуют обвинения в сторону мужчины, что он ведет себя как неконтролируемый безответственный ребенок.

Данный пример является иллюстрацией одной из закономерностей формирования сценарного поведения.

Когда критический период развития пройден, один из полюсов диспозиции может трансформироваться в **возрастное характерологическое новообразование**, как устойчивый эмоционально-поведенческий механизм реагирования на угрозу по рефлексорному типу. В этом случае и самовосприятие, и восприятие партнера будут искажены призмой диспозиционной реакции.

На взаимоисключающее единство полярных эмоций, как существенную характеристику динамики эмоциональных процессов, обратили внимание психологи Р. Соломон и Д. Корбит. Они разработали теорию оппозиционного процесса об индукционном механизме возникновения противоположных по знаку эмоций, в соответствии с которой активация позитивного аффекта косвенно активирует противоположный этой эмоции негативный аффект. И наоборот, негативный аффект активирует позитивный аффект. Это косвенно подтверждает идею о диспозиционном реагировании в ситуации угрозы.

Пока сохраняется диспозиционная реакция как реакция на угрозу, человек всегда будет испытывать определенный дискомфорт в виде осознаваемого или неосознанного напряжения или тревожного фона настроения.

Именно внутрличностное диспозиционное образование диктует развитие негативного сценария. С точки зрения диспозиции можно с легкостью предсказать эмоционально-поведенческие реакции личности в ситуации угрозы или в ситуации, воспринимаемой как угрожающая. А именно: как человек воспринимает себя (сильный или слабый полюс диспозиции), как воспринимает партнера (проекция противоположного полюса диспозиции), какой будет динамика отношений (реализуется сценарий, связанный с диалектическим взаимодействием полюсов диспозиции).

Диспозиционный конфликт разрешается в том случае, если оба полюса диспозиции присваиваются человеком и он перестает ощущать себя бессильным, в нашем примере не имеющим автономии. Происходит интеграция полюсов диспозиции, личность в своем становлении приобретает возможность строить отношения, признавая свое право на автономию и такое же право другого. Диспозиционность

стрессового реагирования в силу диалектической природы эмоционального реагирования на угрозу всегда будет иметь место. Но в случае здоровой реакции диспозиция теряет взрывную силу оппозиции. Ребенок, прошедший кризисную ситуацию развития и сумевший интегрировать полюса диспозиции, во взрослой жизни будет свободен от сценарного развития важнейших личностных ситуаций.

Более того, взрослый человек, понимающий причины неадекватного развития ситуации, способен ставить истинные цели и выходить из плена сценарного поведения.

Важно заметить, что диспозиционные реакции закрепляются как устойчивая модель эмоционально-поведенческого реагирования в до-сознательный период или в период, когда сознание функционирует довольно слабо. По Л. Марчер, структуры характера формируются до 12-ти лет. Но сила сознания взрослого человека способна получить контроль над бессознательными импульсами и преодолеть рефлекторное разрушительное поведение при ясном видении причин и источников такого поведения.

Субъектно-бытийный подход, рассматривающий личность и ее бытие как взаимообусловленную дуальность предполагает, что личности предшествуют три пространства системно организующихся объективных материальных явлений (пространство организмических характеристик, включающее нейродинамические явления, пространство событий среды, пространство деятельности). Они же определяют ее (личности) генез на начальных стадиях. Но далее рост субъектности реализуется в стремлении личности «экстериоризировать» себя в среду, привнося в нее свое, преобразуя ее в соответствии с собственными смыслами.

По З.И. Рябикиной, личность реализует в своем поведении три сопряженные базовые потребности:

а) потребность в самоактуализации, в экспансии, б) потребность во внутренней согласованности и сохранении целостности психического, в) потребность быть подтвержденной внешним, тем, через что объективировано ее субъективно-внутреннее (потребность в обретении и поддержании целостности внешнего и внутреннего, объективного и субъективного пространств личности).

Эти три потребности могут рассматриваться как: а) потребность реализовать позицию, занимаемую в отношениях Я – Мир, Я – Ты, Я – Они, б) потребность сохранять устойчивость такой позиции, в) потребность организации жизненного сценария таким образом, чтобы он, людьми и событиями, вовлеченными в него, подтверждал позицию в отношениях Я – Мир, Я – Ты, Я – Они.

Причем позиция в отношениях, ставшая характерологическим внутриличностным образованием, согласно субъектно-бытийному подходу (З.И. Рябикина), как часть структуры личности детерминирует процесс отражения реальности и распремечивает действительность в соответствии со своими целями, запросами и потребностями.

Если жизненный сценарий рассматривать как способ личностной бытийности, то жизненный сценарий может быть обозначен как

форма экспансии и персонализации личности во внешнем пространстве, причем позиции в отношениях, освоенные личностью в онтогенезе и оформившиеся в характерологическое новообразование, становятся встроенными в структуру личности и также имеют тенденцию к экспансии и персонализации, что и служит основой развития неэффективного жизненного сценария.

Таким образом, рассмотрение в качестве предметной области психологии категориальной целостности «личность и её бытие» (З.И. Рябикина) создают возможность принципиально нового подхода к изучению проблемы жизненного сценария личности как глобального пространства ее бытийности. Такой подход позволяет не только объединить взаимоисключающие концепции и подходы к проблеме формирования и реализации жизненного сценария личности, но и обладает прогностическими возможностями относительно возможных линий развития жизненного сценария на основе анализа позиций в системе отношений Я – Мир, Я – Ты, Я – Они; создает возможность проследить истоки формирования и особенности функционирования жизненного сценария личности, преодолеть фрагментарность многих отечественных и западных концепций, посвященных данной проблеме.

Примечания:

1. Арутюнова Н.Д. Понятие судьбы в контексте разных культур / Научный совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1994. 320 с.
2. Берн Э. Трансактный анализ в психотерапии: системная индивидуальная и социальная психиатрия. М.: Академический Проект, 2001. 320 с.
3. Большой Энциклопедический Словарь: некоммерческий онлайн проект URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/>
4. Борискин В.М. История европейской философии: учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. 356 с.
5. Гурская С.П. Программа сценарного поведения // Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология. 2013. Т. 6, № 1. С. 101-104.
6. Дружинин В.Н. Жизненные планы и жизненный сценарий // Психология: учебник для гуманитарных вузов. СПб.: Питер, 2001. URL: <http://www.bibliotekar.ru/psihologia-2/152.htm> (дата обращения: 19.12.2015).
7. Лейбин В. Словарь-справочник по психоанализу. URL: vocabulary.ru/dictionary/881 (дата обращения: 20.12.2015).

8. Платон. Избранные диалоги. М.: ЭКСМО, 2013. 768 с.
9. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. М.: Академия, 2007. 189 с.
10. Основные подходы к исследованию жизненных стратегий личности / Ю.В. Синягин, О.Ю. Переверзина, Ю.А. Яковлева [и др.] // Акмеология. 2010. № 1. С. 27-34.
11. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2006. 589 с.
12. Стюарт Й., Джойнс В. Современный транзактный анализ. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. 329 с.
13. Хиллман Дж. Архитепическая психология. URL: [dic.academic.ru>dic.nsf/ruwiki/322073](http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/322073) (дата обращения: 05.02.2015).
14. Шутценбергер А.А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. 256 с.
15. Этимологический словарь. URL: <http://allRefs.net> // allRefs.net>Образование>3s7hh. (дата обращения: 17.10 2015).

References:

1. Arutyunova N.D. The concept of fate in the context of different cultures / Scientific council on the history of world culture. М.: Nauka, 1994. 320 pp.
2. Berne E. Transactional analysis in psychotherapy: systemic individual and social psychiatry. М.: Academic Project, 2001. 320 pp.
3. Big Encyclopedic Dictionary: noncommercial online project URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/>
4. Boriskin V.M. History of European philosophy: a manual. Saransk: Publishing house of Mordoviya University, 2002. 356 pp.
5. Gurskaya S.P. The programme of scenario behavior // YuURSU Bulletin. Ser. Psychology. 2013. Vol. 6, No. 1. P. 101-104.
6. Druzhinin V.N. Life plans and life scenario // Psychology: a textbook for humanitarian higher schools. SPb.: Piter, 2001. URL: <http://www.bibliotekar.ru/psihologia-2/152.htm> (date of access: 12.19.2015).
7. Leybin V. A reference book of psychoanalysis. URL: vocabulary.ru> dictionary / 881 (date of access: 12.20.2015).
8. Plato. Selected dialogues. М.: EKSMO, 2013. 768 pp.
9. Pryazhnikov N.S. Professional self-determination: theory and practice. М.: Academia, 2007. 189 pp.
10. The main approaches to the study of life strategies of the individual / Yu.V. Sinyagin, O.Yu. Pereverzina, Yu.A. Yakovleva [etc.] // Akmeology. 2010. No. 1. P. 27-34.
11. Solso R.L. Cognitive psychology. SPb.: Piter, 2006. 589 pp.
12. Stewart J., Joines B. Modern transactional analysis. SPb.: Socio-psychological center, 1996. 329 pp.
13. Hillman J. Archetypical psychology. URL: [dic.academic.ru> dic.nsf / ruwiki / 322073](http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/322073) (date of access: 02.05.2015).
14. Schutzenberger A.A. Syndrome of ancestors: transgenerational relations, family secrets, the anniversary syndrome, trauma transmission and practical use of genosociogram. М.: Publishing house of the Institute of Psychotherapy, 2005. 256 pp.
15. Etymological dictionary. URL: <http://allRefs.net> // allRefs.net> Education> 3s7hh. (date of access: 17.10. 2015).